

Коммунизм (Большевистский) и
социал-демократия

I. Предварительные замечания

Думаю, следовало бы избежать на данном этапе резкого противопоставления массы нынешних коммунистов будущим социал-демократам по ряду причин:

- не стоит повторять ошибку В.И.Ленина в смысле жесткого размежевания. Для него тем более нет оправдания в наши дни - ведь это может стать повторением опыта, слишком дорого оплаченного нашей исторической судьбой. Кроме того, и в этом вопросе целесообразно продемонстрировать социал-демократический, а не коммунистический и тем более большевистский подход;

- не надо стыдиться собственного прошлого. Это так же безнравственно, как стесняться своих родителей, да и не надо поощрять подрастающую молодежь к тому, чтобы она становилась павлинками морозовыми наоборот и обличала собственных отцов-коммунистов;

- в народе по традиции недоверчиво и даже неприязненно относятся к любым "внезапно прозревшим". За этим явлением видят, как правило, не чудо, а интерес, не говоря о том, что не стоит облегчать жизнь крикунам из РКП, которые и без того будут упражняться на тему о перебежчиках, пробравшихся в партию предателях и о подосланных из-за рубежа "агентах иностранного влияния". Да и само звание коммуниста не стоит при разделе имущества умершего отца бесплатно оставлять им в наследство - они его не заслужили;

- есть и политический мотив: надо оставить несожженным мостик, по которому из прошлой партии в новую смогут перейти порядочные люди, - не роняя собственного достоинства, не каясь

в том, в чем не считают себя виновными: ни в преступлениях, в которых не участвовали, ни в привилегиях, которыми не пользовались.

2. По существу

С коммунизмом надо бы разобраться спокойно, как с явлением, которое, будучи на определенном этапе более чем реальным, то есть "действительным", не могло не быть (по Гегелю) "разумным", то есть объяснимым, прежде всего исторически. Это наилучший и наименее болезненный способ "снять" это понятие, показав, что и мы, и мир в сущности вырастаем из него, как из детского наряда. Точнее же - из того конкретного исторического контекста, который закономерно, естественно-историческим путем, а не через "пробирку", породил его в XIX веке в Европе, в начале XX - у нас, а после войны и в Китае. Наша беда в том, что мы позволили нашим коммунистам-большевикам (к сожалению, В.И. Ленин к этому причастен) пойти по пути консервации этих исторических условий ради поддержания огня в топке сначала мировой, а потом национальной перманентной революции, ставшей перманентной классовой и гражданской войной.

Сам же коммунизм, отразивший антагонистический ответ на антагонистическую реальность, тут, в сущности, неповинен. Он имел свое право на существование, своего рода алиби, в качестве нормальной реакции на ненормальные социальные условия. И в этом смысле он действительно обречен как призрак на появление там, где у правителей или народов не будет хватать разума или опыта вовремя разрешать назревающие конфликты: между классами, как это было в XIX веке; между системами - в середине XX века; между мирами (развитым и неразвитым) - в будущем.

И все же, к счастью, для классического политического коммунизма (во многом благодаря нашему несчастному опыту) историческое пространство неуклонно сокращается. И это не только заслуга новых вождей начавшейся перестройки, сколько изменение и нашего общества, и всего мира, которое делает невозможным и противоестественным продолжение прежней коммунистической линии в том виде, в каком она была прочерчена В.И. Лениным, когда он отколол большевиков от мировой и российской социал-демократии. (Заслуга наших новых лидеров в том, что они осознали неизбежность этого процесса и взяли на себя роль еретиков - с их возможной судьбой).

Большевистский коммунизм проиграл в споре с историей из-за двух первородных грехов, изначально заложенных в его гены. Первый: принесение в жертву живого человека - абстрактному, личности - обществу, жизни - схеме. В сущности, в этом отразилось неверие в человека и убежденность в том, что его надо направлять и воспитывать, что немедленно дало шанс усесться на закорках людей целому классу управителей. В сущности, эти коммунисты (сделавшие из своего идеала профессию), невнимательно прочитали, а точнее же своекорыстно исказили один из основополагающих тезисов своих духовных родителей, а именно: что свободное развитие каждого - есть условие свободного развития всех.

Перевернув эту формулу, сделав удовлетворение интересов каждого заложником абстрактных интересов всех, они неизбежно превратили живого человека в среднего, усеченного, кастрированного, то есть лишённого главного признака личности: творческого начала, индивидуальности, непохожести на всех остальных. Соответственно, и все общество, построенное на этом принципе, оказалось

лишенным творческого фермента. Наиболее очевидные и роковые последствия этого проявились в эпоху НТР.

Еще одна принципиального рода инверсия была осуществлена коммунистическим руководством страны - перестановка социализма и коммунизма местами в историческом процессе. Из цивилизационного, нравственного, а для кого-то и религиозного вектора и ориентира коммунизм был низведен до "злобы дня", практического проекта, поддающегося планированию и строительству.

Большевики начали с того, что "ввели" коммунизм в виде "военного", придав ему облик диктатуры, противостоящей закону. Затем огосударствили экономику, разрушив естественное товарное хозяйство, декретировали поголовный атеизм, уничтоживший религию и принудительный интернационализм, изуродовавший национальные судьбы целых народов. Трудно представить себе большую дискредитацию интеллектуальной и нравственной идеи коммунизма, уходящей корнями в глубокую историю человечества.

Вторым смертным грехом подобного коммунизма стало жертвоприношение нравственности (и здесь ответственность В.И.Ленина, увы, исключительно высока). Введение им принципа морального релятивизма, "политической целесообразности" сняло общество с нравственных тормозов и развязало руки преступной банде Сталина. На место закона, совести и религии пришел принцип: "цель оправдывает средства", который по мере естественного удаления реальности от провозглашенной цели превратил репрессивные средства ее достижения в самоцель.

Большевизм трансформировался таким образом в инструмент захвата и удержания власти любой ценой, какой бы высокой она ни была. Но в этом ли объяснение того, почему под его знамена начали

становиться лобные искатели власти, ибо благодаря ему бесконтрольная диктаторская власть получала идеологическое алиби.

Эти два принципиальных расхождения политического коммунизма и социал-демократии не перечеркивают, тем не менее, того неустраняемого факта, что они берут свое начало из одного мощнейшего человеческого импульса — стремления к социальной справедливости.

Этого общего начала не следует стыдиться. Нельзя, даже отвергая все извращения и противоестественность государственного социализма, засыпать этот чистый нравственный источник, который бьет через тысячелетние пласты человеческой цивилизации.

Поиск лучшего, справедливого и солидарного мира, опирающегося на согласованные усилия людей труда — такова истинная программа социальной демократии, которая, безусловно, уходит корнями в прошлое, много дальше, чем история самого социал-демократического движения.

Противоречие между социал-демократией и коммунизмом на заре века поначалу выглядело как относительно невинный спор о том, как добиваться в сущности одной цели — того нового лучшего мира, относительно желательности и закономерности которого между социал-демократами и коммунистами не было принципиальных расхождений.

Они соглашались в том, что от старого несправедливого мира человечество должно уйти. Вопрос — как? Через революцию или реформу? Через ускорение и понуждение истории или путем следования ее естественному эволюционному курсу, важнейшие закономерности которого были открыты и сформулированы марксизмом.

Через революционное устранение препятствий на дороге к "бравому новому миру", даже, если эти препятствия представляют собой

целые классы и, следовательно, массы людей, естественно сложившиеся хозяйственные уклады, национальные, религиозные и культурные традиции или через обучение, просвещение и воспитание людей, согласование их различных, даже противоречащих интересов путем нахождения их взаимовыгодного баланса? То есть через демократию.

Революция – это взрыв негодования и протеста, нетерпения и нетерпимости. Это не "снятие" того противоречия, из которого она рождается, а замена тезиса на антитезис, который тут же начинает готовить очередной неотвратимый конфликт.

Да, революции происходят не по заказу и не как следствие заговоров, и этим истинные революции отличаются от переворотов, рассчитанных и подготовленных теми, кто объявляет себя профессиональными революционерами. Однако они несут с собой взрыв противоречий, а не их разрешение. Они разрушают, а не создают, и поэтому любая революция – это общественная беда, это болевой вскрик общества, неспособного далее терпеть старые порядки.

Революция – это и взрыв отчаяния, и всплеск надежды: на чудо, на второе пришествие. Они, как правило, рождают мессий и героев, которые, если их не распнут, как правило, превращаются в диктаторов.

Бессмысленно и контрпродуктивно поэтому как прославлять, так и обвинять революции. Роль и функция политики не в этом, а в том, чтобы находить решение назревших противоречий с наименьшими издержками для общества, что позволит либо избежать революционного (контрреволюционного) взрыва, либо поможет как можно скорее соединить разрывы социальной ткани, образовавшиеся в результате революции, залечить те раны, которые она неизбежно после себя оставляет.

В отличие от революции реформа – это ставка на терпение и труд. Это применимый к общественным заболеваниям принцип: "не навреди". Это выбор политиков, умудренных опытом (даже, если это опыт других стран и предшествующих поколений), путь взрослого общества, терпимого к собственному плюрализму и воспринимающего его не как обузу, а как собственное богатство.

Реформизм не тождествен ни консерватизму, ни маниловскому бездействию. Он не мирится с существующим миром и нацелен на его качественное изменение (из программы СДПГ: "недостаточно просто подновить капитализм, нужен новый экономический и общественный порядок").

Он не мирится с классовыми различиями и социальными привилегиями. В экономике – он требует ограничения монопольного диктата – будь то государства или капитала – через государственное регулирование, профсоюзы, децентрализацию процессов принятия решений и общественный контроль. "Более чем темпы преобразований он ценит правильность избранного направления" (СДПГ). Он отвергает гражданскую войну в обществе, даже, если эта война духовная.

Для политического реформизма необходимы не только осознающие его ценность реформаторы (они существуют и в революционные времена, и, как правило, безуспешно пытаются сдержать профессиональных революционеров). Для него необходимо политически, культурно и духовно зрелое общество – готовое признать ценность личности, уникальность таланта, реальность неравенства (за исключением неравенства в правах) и непререкаемость законов.

Такого общества у нас не было ни в начале века (в том числе по вине царизма), ни долгие годы после Октября (в значительной

степени по вине большевизма). Оно начало, однако, складываться в этой стране в последние десятилетия, и среди важнейших вех на пути его формирования надо назвать историческую Победу над фашизмом – подтвердившую величие и суверенность народа – и XX съезд КПСС, показавший низость его правителей.

Формирование этого общества является совокупным результатом нашей собственной истории. Оно вобрало в себя десятилетия того, что мы называем социализмом, и поэтому несерьезны, наивны или недобросовестны попытки вернуть его в дооктябрьское прошлое. Советский социалистический период не вычеркнуть ни из нашей, ни из европейской, ни из мировой истории, ни из нас самих – детей своей страны и своего времени. Вопрос лишь в том, как мы распорядимся полученным наследством.

Оно уникально и ценно и негативным до трагичности опытом, способным играть роль прививки от тоталитаризма, от повторения гражданской войны, и от новых экспериментов с плановым осчастливлением людей. И своим позитивным содержанием, ибо пусть непомерной ценой общество все-таки оплатило свой путь развития, восхождения к иному качеству – к состоянию гражданского общества и к осознанию этого состояния.

Именно в этой зрелости общества корни сегодняшних требований перемен и решительного разрыва с прошлым, источник созидательного недовольства, из которого родилась перестройка. Пытаться удержать это новое общество в прежнем состоянии, а тем более вернуть его в прошлое одновременно и безнравственно, и контрпродуктивно. Результатом этих попыток может быть только новый острый социальный конфликт, новая революция, которая будет истинной революцией, даже, если кто-то захочет назвать ее контрреволюцией.

Признаки этого надвигающегося революционного взрыва мы наблюдаем в антагонизации социальных отношений, растущей поляризации политических флангов, опасном росте разномасштабного экстремизма, угрожающих демаршах армейских генералов, обещающих "спасти отечество".

Они проявляются и в кликушестве реакционных сил, мечтающих о реставрации, и в выкриках новых бунтовщиков, которые хотели бы накликать новую революцию по типу тех, что произошли в Восточной Европе, не задумываясь о неизбежных поправках на масштабы нашей страны и трагическую традицию насилия в ее истории.

Мы предлагаем другой путь радикальных перемен: путь реформы, широкого общенационального согласия, конституционного процесса и демократического участия народа. Мы верим в том, что он пока еще возможен при условии ответственного отношения ведущих политических сил к исторической судьбе нашего отечества.

Этот путь предполагает решительное осуждение любого экстремизма, отказ от соблазна волевых, неконституционных и тем более силовых мер для решения политических разногласий (как с применением военной силы, так и с опорой на митинговые уличные страсти).

Это путь разумных компромиссов, т.е. встречных шагов и добровольного самоограничения как со стороны тех, кто готов горой стоять за прежние принципы, так и тех, кто убежден, что новую историю надо начинать с очередной расчистки стройплощадки. Самоограничение, которое должно быть оправдано, если уж не заботой о менее болезненном пути преобразования общества, то, хотя бы обоюдной ответственностью за то, чтобы уберечь страну

от нового драматического поиска ответа на ложный вопрос — "кто кого".

Мы убеждены, что время для социального и политического реформизма пришло не только для нашей страны, но и для всего человечества, которое завершает XX век с осознанием того, что ни одну из своих истинных проблем оно не может решить силой, путем навязывания одними классами и государствами своей воли и народов другим. Глобализм человеческих проблем — от тех, которые угрожают его существованию (будь то военные или экологические), до тех, которые могут быть разрешены только совокупными усилиями всех народов, по-новому ставит вопрос о политическом реформизме в международном масштабе. Иначе говоря о необходимости нахождения баланса интересов, т.е. компромисса.

В экономике — путем ограничения стихии рынка, безудержного потребительства, растраты природных и энергетических ресурсов, неконтролируемости научно-технического прогресса.

В политике — путем цивилизованного сопоставления программы и альтернативных путей общественного развития, предлагаемых различными политическими партиями и движениями, и предоставлением права народам принимать решения демократическим путем на основе свободного выбора.

В социальной сфере — путем создания эффективной системы защиты малообеспеченных, инвалидов и стариков, надежной подстраховки от последствий временной безработицы, гарантий демократического доступа молодежи к образованию и получению современной профессии, достойному человеку медицинскому обслуживанию. Защита слабых для здорового общества — это не только его

моральный долг, это и важнейшая экономическая и социальная потребность, ибо представляет собой гарантию его социального и нравственного мира.

В международных отношениях - это согласованное самоограничение суверенитетов в пользу ориентации на общечеловеческие интересы и ценности. Это приоритет международного права и коллективных решений, выработанных через двусторонние и многосторонние контакты и международные организации, приоритет нового интернационализма, который можно назвать глобализмом, над национальным эгоизмом и агрессивным национализмом. Эта политика предлагает миру впервые в его длительной истории совместный путь строительства единого мирового общества, которое, сохраняя свой плюрализм и многообразие культур, национальных традиций и социальных порядков, будет следовать единым нормам права, гуманизма и интересам поддержания мира.

17. 07. 81